

ACADEMIC FORUM

№ 01 (01), МАЙ 2013

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ
БЮЛЕТЕНЮ

Феномен исследовательского университета

Первый выпуск Academic Forum мы посвящаем осмыслианию феномена исследовательского университета, его функций и роли в современном мире. Чтобы рассмотреть тему в максимально широкой перспективе, мы пригласили в качестве экспертов историка [Александра Дмитриева](#), культуролога [Виталия Куренного](#) и социолога [Виктора Вахштайна](#).

Александр Дмитриев, доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки, ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ

Что сегодня входит в понятие «исследовательский университет»? Как оно вообще появилось?

Мне кажется, что, когда сейчас говорят об идее исследовательского университета, то имеют в виду скорее современный американский опыт, точнее — модель, которая сложилась в США и некоторых европейских странах во второй половине XX века, нежели исходную гумбольдтовскую традицию. В этом смысле тот исследовательский университет, который мы обсуждаем сегодня, является собой, в первую очередь, университет массовый, большую (по выражению Макса Вебера) «фабрику дипломов» — даже если речь идёт о небольшом и вполне элитарном Принстоне. У Гумбольдта же речь шла о выпуске штучной продукции и законах совсем других чисел. Из работ немецких и российских историков мы знаем, что для самой Германии распространение гумбольдтовской модели из Берлина в другие университеты протекало отнюдь не всегда гладко, и сама гумбольдтовская модель была скорее смелым наброском, нежели чёткой, детально разработанной и стройной концепцией. Сегодня вопрос в том, как соединить практику серьёзной науки с более рутинными и часто более элементарными преподавательскими практиками и традициями.

Что касается модели американского университета, то в её эволюции на протяжении XIX и XX веков было минимум две волны. До Первой мировой войны американцы, главным образом, заимствовали (как в естественных науках, так и в гуманитарных) немецкие образцы, при этом уже в первой половине XX века были сделаны шаги в направлении массового университета. Понастоящему массовым американское высшее образование стало после 1945 года, когда государство начало оказывать поддержку поступающим в университет фронтовикам. Это дало рост социальной базы высшей школы, в том числе коснулось и престижных университетов Лиги плюща. Тогда же Венивар Буш, советник Рузвельта по науке и один из главных патронов Манхэттенского проекта, сформулировал задачи развития американской науки как безбрежного фронтира будущих исследований при непрерывной поддержке государства и частных инвестиций.

Тем самым было положено начало тому, что в традиции современного науковедения называется Big Science: социальной и государственной мобилизации науки, её связи с военными, новыми техническими и постиндустриальными задачами.

В то же время (особенно это касается престижного образования) американская система до сих пор основывается на английской модели: на идеи колледжа, формировании небольших кластеров внутри большого университетского организма. В какой-то степени это делает американскую систему и американский университет более гибкими и, соответственно, более отзывчивыми к инновациям и переменам общественной погоды. В этом смысле у них можно поучиться активному использованию бизнес-моделей, бизнес-подходов, рекламы, реструктуризации департаментов и т.д. Это те меры или шаги, которые у нас иногда рассматриваются как помеха или сугубо внешние, чисто управленческие элементы по отношению к главной, содержательной стороне образования. Американский опыт как раз показывает, что это не так.

Университеты в Америке не первое десятилетие наращивают вокруг себя мощную социальную и культурную инфраструктуру. В последнее время нередко приходится слышать, что места вроде Сиэтла, штата Вашингтон, Орегона являются теперь центрами инноваций и культуры, какими были, может быть, Париж в 1960-е или Нью-Йорк в 1980-е гг.

Структура больших университетов там такова, что позволяет за счёт менеджмента и с опорой на эндаумент инициировать создание на их базе разных исследовательских центров, школ (в т.ч. бизнес-школ) и программ, которые равным образом могут быть включены в рамки нового и традиционного университета. И такая эклектика оказывается, как правило, живой и действенной.

У нас в стране, мне кажется, за основу выбрана современная немецкая модель продвинутых университетов (Exzellenz-Universität), потому что американская предполагает большую активность университетских структур, университетского менеджмента и, конечно же, более тесную связь с бизнесом. Но при этом, хотя общая государственная политика является «немецкой», её реализация оказывается «американской» — обусловленной личностными факторами или общекомандными инициативами.

Как идея исследовательского университета развивается сейчас в России?

Сейчас в инновационных исследовательских университетах — я говорю, конечно, о «неестественных» науках — поддерживаются отдельные направления вроде экономики, которые тащат за собой философию, социологию, филологию и т.п. Когда тот или иной вуз в регионе получает статус национального исследовательского, в его структуру нередко «имплантируют» местный пединститут или политех. В результате получается такой бюрократический монстр-цикlop, который занимается тем, что перегоняет местные административные кадры из одних отделов в другие. Понятно, что научная продукция заботит этих людей лишь с точки зрения отчётности. В этой связи создание национальных исследовательских университетов по специализированному принципу представляется более удачным подходом. Но, учитывая географическую структуру России, понятно, что регионального подхода здесь не избежать.

Каковы ключевые проблемы, с которыми сталкиваются российские исследовательские университеты?

На мой взгляд, это вопрос sustainability (устойчивого развития). Основная проблема здесь заключается в том, чтобы удержать, закрепить первый инновационный прорыв, который часто наблюдается в научной структуре в первые 5–10 лет её существования. Обеспечить устойчивую воспроизводимость принципов, ключевых для этого периода, в новых условиях, в частности в ситуации, когда в университете по тем или иным причинам начинает меняться первоначальная команда лидеров. Например, нынешняя непростая ситуация с РГГУ, на который я в девяностые, будучи студентом СПбГУ, смотрел с чувством зависти, «снизу вверх», хорошо это иллюстрирует.

Ещё одним важным вопросом является организация исследований в центрах, которые сейчас фактически переходят на проектный режим работы, когда коллектив исследователей 2–3 года работает над решением одной задачи, а затем переключается на другую. Здесь проблема заключается в удержании содержательной логики и последовательности проектов. Надо, чтобы нам самим было понятно, почему один проект сменяет другой. Руководство способно задать только общие рамки, а подлинная ответственность ложится на тех, кто принимает стратегические решения внутри вуза.

Здесь возможным решением является упор на содержательное обсуждение процесса. Когда вузовский организм расширяется, то понятно, что какие-то университетские заседания (заседания Учёного совета и т.п.) неизбежно начинают приобретать рутинно-протокольный характер. Университету, особенно претендующему на звание исследовательского, нужно поддерживать такое положение дел, когда административное мероприятие не превращается в заседание Политбюро брежневских времён, а сохраняет в себе элементы мозгового штурма, какой-то интеллектуальной игры и содержательного обсуждения. Сбережение и поддержание этого огня в условиях, когда фронт постоянно расширяется, мне кажется, и является самой важной задачей.

Виталий Куренной, профессор, заведующий отделением культурологии НИУ ВШЭ, научный редактор журнала «Логос»

Что собой представляет современный исследовательский университет?

Насколько жизнеспособной является эта модель в современном мире?

Исследовательский университет — модель, изначально созданная Гумбольдтом, — это организационная инновация, возникшая довольно случайным и странным образом двести лет назад. Появление этой модели нельзя было предсказать и предвидеть — это такая же историческая аномалия, как античная философия или западный капитализм. В конце XVIII века всё шло к тому, что университет как таковой, как институция, унаследованная тогдашней Европой от Средних веков, вообще будет ликвидирован, а само высшее образование было исключительно прагматичным и утилитарным. Основные реформы, которые проводились тогда, прежде всего во Франции, были нацелены на ликвидацию этого учреждения — существование такой автономной структуры с не вполне прозрачными для усиливающегося централизованного государства функциями представлялось нецелесообразным. Модель Гумбольдта состоялась вопреки историческим обстоятельствам, и только доказав свою состоятельность, она была затем растиражирована в других странах.

XIX век — век немецкой науки, и не в последнюю очередь благодаря именно этой институции. Когда же мы говорим об исследовательском университете применительно ко второй половине XX века, то ассоциируем это понятие уже с американской системой. Однако по своей сути, по принципу своего функционирования никаких существенных трансформаций эта структура не претерпела.

Сейчас часто можно услышать обратное: что первоначальная модель исследовательского университета находится в кризисе, исчезает. Однако любой человек, знакомый с историей Нового времени, знает, что подобные разговоры ведутся практически столько же, сколько существует сама эта модель. В действительности же всякий раз, когда речь заходит о том, что гумбольдтовская модель себя исчерпала и доживает последние дни, она реструктурируется, переформатируется, но продолжает функционировать. Конечно, это не происходит само собой и требует организационных усилий и понимания сущности «идеи университета».

Несмотря на то, что сегодняшний университет как целое очень далёк от идеальной гумбольдтовской идеи, последняя всё же неизменно находит своё воплощение в каких-то сегментах университета, что, собственно, и является условием сохранения «идеи университета», его идентичности и базовых функций.

Кризисные явления, о которых сегодня говорится применительно к исследовательскому университету, возникли вследствие многих факторов, но ближайшим образом они связаны с господством неолиберальных стратегий оптимизации сферы образования. Сегодня мы наблюдаем очень мощную интрузию рынка, рыночной логики в университете. В отдельных моментах это не плохо, однако надо понимать, что господствующая при этом схема мышления является редукционистской: она «слепа» в отношении некоторых экстернальных аспектов функционирования одного из ключевых институтов культуры модерна. Два других фактора, создающих сегодня для университета структурные сложности и побуждающие его приходить в движение и реструктурироваться, — массовизация университетского образования и бюрократизация этой организации. Исторически массовизация осуществлялась волнами, каждая новая волна отзывалась затем мощными социальными, культурными и политическими изменениями. Гумбольдтовская модель изначально ориентирована на сократический идеал неспешного диалога преподавателя и небольшой группы студентов — массовости она не терпит. Не предполагает она и гетерогенную исследовательской установке управляемческую прагматику, с её плоскими критериями эффективности и т.д. Однако оба эти фактора приводят лишь к тому, что гумбольдтовская модель локализуется в отдельных нишах современной университетской системы — в рамках аспирантуры или магистратуры, отсекая массовые потоки бакалавров, в локальных исследовательских средах и группах, способных выстраивать долгосрочные исследовательские стратегии и т.д.

Кризис постоянно сопровождает существование исследовательского университета, однако так или иначе университет, университетское сообщество находит в себе силы, чтобы воспроизводить эту модель. На сегодняшний день существует фактически единственный обозначимый документ за последние несколько десятков лет, связанный с университетской политикой, — Великая хартия университетов. Если вы её почитаете, то увидите, что там воспроизводятся основные принципы гумбольдтовской модели, которые и составляют идентичность исследовательского университета, его «идею». У России в силу вторичного, копирующего характера наших реформ есть опасность сориентироваться на какую-нибудь новомодную концепцию. Я бы сказал, что в нашем положении надо предпринимать все усилия, чтобы привести ситуацию в соответствие с классическими принципами идеи исследовательского университета. Повторюсь, исследовательский университет — это историческое чудо, поэтому тут надо быть аккуратнее, смирять энергию организационной инженерии в пользу проверенной традиции и её образцов. Даже в очень сложных условиях идея университета сохраняется в определённых нишах — это удавалось даже в худшие для российского академического сообщества годы.

Где эта ниша и почему это возможно?

Там, где удаётся тем или иным способом реализовать два основных принципа исследовательской модели. Во-первых, принцип автономии: когда вы сами определяете то, чем вы занимаетесь, что считаете нужным преподавать. Я не вижу с ним больших проблем ни в России, ни где бы то ни было ещё, хотя, конечно, рынок и другие факторы диктуют свои условия. Университет — это очень крупная корпорация, более того — корпорация глобальная: университетское сообщество и коммуникация по своей сути транснациональны. Стив Фуллер остроумно сравнивает современный университет по его функционалу с государством — настолько это мощная структура. Приведу в качестве метафоры старый университетский город Марбург, где в начале XVI века был организован первый протестантский университет. Там, кстати, Ломоносов учился. Город стоит на холме, а на вершине холма находится замок. Это пространство, некогда занятое князем, сегодня является пространством университета — там университетский музей, какие-то университетские коллегии располагаются и т.д. То есть, за прошедшие без малого пятьсот лет университет — организация слабая, располагавшаяся у подножья холма, на вершине которого располагался центр безраздельной власти, постепенно поднималась всё выше, и теперь она занимает его безраздельно.

Второй принцип — совмещение преподавания и исследования. Речь идёт о коррекции застарелой болезни российского образования, где идея исследовательского университета исторически было крайне трудно реализоваться — и по политическим причинам, и в силу организационного разделения преподавания и исследования. В этом смысле институциональная политика нашего Университета позволяет смотреть в будущее с некоторым оптимизмом.

Исследовательский университет — единственная форма современного университета?

Существует три модели университета, сложившиеся в XIX веке, модифицированные формы которых можно без труда обнаружить и сегодня. Во-первых, есть правительственно-контролируемая французская модель, к которой всегда были ближе российские университеты. Во-вторых, гумбольдтовская модель исследовательского университета. В-третьих, камерная британская модель, прототип которой больше напоминает монастырь или аббатство. Она оказалась очень подходящей для выполнения социальной функции воспитания элиты в современном обществе. Все эти три модели можно сегодня обнаружить, отчасти в смешанном, отчасти в дифференциированном виде. В США, где академическая система очень пёстрая, границы между ними более чёткие. Там есть исследовательские университеты в чистом виде. Есть менее амбициозные массовые университеты, находящиеся под контролем правительства штата, не претендующие на статус исследовательских университетов. И есть закрытые, дорогие элитистские университеты, главная функция которых — воспитание элиты.

Национальные границы вообще очень сомнительны. Сейчас наше академическое сообщество бурно реагирует на различные методы контроля научной деятельности (все эти импакт-факторы и т.п.) и жалуется на американизацию.

А ведь американскую систему создавали ученики и последователи известного британского физика и философа науки Джона Бернала, который был убеждённым марксистом и симпатизировал СССР. Собственно, вся американская система — это доработанная советская научометрическая система.

Каковы тогда основные достоинства исследовательского университета, его основные функции?

Не буду касаться очевидного — университет сегодня является главным производителем научных и технологических инноваций. Менее очевидны другие экстернальные результаты его деятельности, которые не так просто зафиксировать и замерить. Помимо всего прочего университет является производителем определённого типа социального капитала, совершенно необходимого современному обществу. Университет — это не просто производство знания, это ещё питомник для выращивания людей с определённым горизонтом как национальной, так и международной ориентации. Альтернативы университету в этом качестве попросту нет. И в этом отношении университет настолько плотно интегрирован в современное общество, что изъять его оттуда значит попросту свернуть проект модерна, а такой тенденции, несмотря на все разговоры, не наблюдается.

И есть ещё один неочевидный, но уже политический эффект исследовательского университета. Джон Дьюи как-то сказал, что будущее демократии связано с будущем науки. В этом смысле судьба демократии связана с судьбой такого института, как исследовательский университет. Демократия требует наличия определённого типа гражданской рациональной культуры — людей, способных свободно мыслить, рационально-скептически взвешивать слова и обещания, принимать на себя ответственность за свои решения, быть открытыми новому. И университет вносит значительный вклад в то, чтобы такие люди появлялись и их становилось все больше.

**Виктор Вахштайн,
кандидат социологических наук**

Что такое исследовательский университет в современном понимании? Каково его место в обществе?

Какую функцию он выполняет? В чём специфика российских исследовательских университетов?

Каковы, на Ваш взгляд, перспективы их развития?

Российский исследовательский университет в современном понимании — это университет, предпочитающий зарабатывать не на студентах и их родителях, а на больших государственных заказах (проводимых в полном соответствии с федеральным законом №94). Сильный исследовательский университет, как правило, становится площадкой воспроизведения «экспертного класса», и именно в этом, а не в проведении исследований, как может показаться внешнему наблюдателю, всерьёз отнёсшемуся к самоназванию подобных университетов, состоит его главная социальная функция.

Будучи высокоорганизованной и, несомненно, эффективной формой коррупционной жизни эпохи развитого государственного капитализма, исследовательский университет зачастую оказывается инициатором изменения правил игры на поле высшего образования, в результате которого неисследовательские университеты как формы неэффективной коррупционной жизни теряют некоторые из оставшихся у них ресурсов. По своим политическим режимам российские исследовательские университеты делятся на «имперские», «феодальные» и «теократические». Они различаются формами принятия решений, степенью централизации и распределения ресурсов, характером бюрократизации, сакральностью авторитетов, потенциалом экспансии (хороший исследовательский университет должен быть в состоянии переварить несколько присоединённых к нему неисследовательских), а также публичной риторикой и политической семантикой.

Самое же главное, что стоит помнить исследователю российских исследовательских университетов: не существует никакого исходного кода, матрицы или архетипа, с которым как с эталоном можно было бы соотнести изучаемый объект. В разные времена и в разных странах принципиально разные институции назывались исследовательскими университетами. Гумбольдтовский университет, утверждавший ценность индивидуального исследования как формы диалога учёного с миром, не является исследовательским в смысле британского коллегиального университета. Британский коллегиальный университет не является исследовательским в смысле современного американского колледжа. А американские элитные университеты из Лиги плюща не являются исследовательскими ни в одном из перечисленных значений.

Есть ли у понятия «исследовательский университет» хоть какое-то содержательное определение — по ту сторону политической риторики и вне режима публичного самооправдания — праздный вопрос.